

Политическое цунами

Миропроектная конкуренция и модели будущего

Сергей Кургинян

На наших глазах многие государства Северной Африки и Ближнего Востока почти синхронно оказались охвачены бурными событиями, ведущими (а в ряде стран уже приведшими) к крупномасштабным переменам.

Возникает закономерный вопрос: что происходит?

Выдвигаемая нами гипотеза такова.

Налицо признаки конца определенной эпохи, продолжавшейся порядка 500 лет. О том, что эта эпоха подходит к концу, говорят очень многие.

Одни, правда, ограничиваются констатацией завершения достаточно короткой эпохи, именуемой ялтинской.

Другие говорят о завершении гораздо более длинной эпохи, именуемой вестфальской (иначе – эпохой национальных суверенитетов, национальных государств и т. д.).

Что если на самом деле завершается еще более долгая фаза исторического развития? Фаза, которую многие называют эпохой Модерна?

Типы обществ и проектов

Прежде всего, дадим строгие определения используемых нами понятий.

Премодерн, Модерн, Контрмодерн и Постмодерн – типы обществ, которым свойственны определен-

КУРГИНЯН Сергей Ервандович – советский и российский геофизик, российский аналитик, политолог и театральный режиссер, президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), главный редактор научно-публицистического журнала «Россия-XXI» и альманаха «Школа целостного анализа», руководитель и главный режиссер Театра-студии «На досках». *E-mail:* eсс@eсс.ru

Ключевые слова: миропроектная конкуренция, мировой порядок, Модерн, Постмодерн, Контрмодерн, Премодерн, Сверхмодерн, модернизация, советский опыт, революции в арабском мире, посткапитализм, коммунизм, принципы объединения.

ные нормы и принципы, регулирующие социальную жизнь.

Модерн – тип общества, регулируемый:

- светским национальным правом;
- секуляризацией общественной жизни;
- атомизацией (индивидуализацией);
- индустриализацией и т. п.

Общество Модерна иногда называют индустриальным или даже буржуазным (но с определенными оговорками).

Премодерн – тип общества, предшествующий Модерну и регулируемый:

- религией;
- традицией;
- сословной корпоративностью;
- преобладанием сельскохозяйственного уклада.

Общество Премодерна иногда называют традиционным или аграрным.

Контрмодерн – тип общества, сходный с Премодерном, но искусственно насаждаемый в эпоху Модерна и Постмодерна.

Постмодерн – тип общества, формирующийся на обломках Модерна и проблематизирующий основные принципы социальной регулятивности.

Типы обществ могут формироваться стихийно или на основе четкого замысла.

Замысел, сообразно которому создается общество определенного типа, – это проект.

В наибольшей степени на основе четкого замысла осуществлялись Модерн, Контрмодерн и Постмодерн, что позволяет говорить и о проекте «Модерн», и о проекте «Контрмодерн», и о проекте «Постмодерн».

Осуществление проекта «Модерн» – это модернизация.

Дав эти определения, можно начать рассматривать достаточно сложные, но явно небесполезные концептуально-аналитические гипотезы, подчеркнув, что это именно гипотезы – не более того, но и не менее.

Что если речь идет о завершении именно эпохи Модерна и о начале эпохи совсем другой?

Что если все эти перестройки, глобальные революции, глобальные политические пробуждения* есть просто фазы в развитии мегапроцесса, ведущего к глубокому переустройству мира?

Если так, то мы все как бы стоим на узком мосту, соединяющем между со-

* В ходе президентских выборов 2008 г. советником Б. Обамы по внешней политике был З. Бжезинский. В 2007 г. вышла книга Бжезинского «Второй шанс» (в русской версии – «Еще один шанс»), адресованная по большому счету будущему, тогда еще неизвестному общественности президенту США. Суть исторического момента (по мнению Бжезинского) в том, что произошло **глобальное политическое пробуждение**.

<...> Опасность, по оценке Бжезинского, состоит в том, что глобальное политическое пробуждение огромных человеческих масс может обратиться против США. Ведь оно является антизападным, антиимперским и по большому счету антиамериканским.

<...> Чтобы не утратить доминирующего положения, Америке необходимо идентифицировать себя с идеей всеобщего чувства политического достоинства, которое подразумевает отнюдь не только свободу и демократию. Оно включает и социальную справедливость. <...> И равенство полов. И уважение к культурной и религиозной мозаике мира (без этого уважения обречены на провал любые усилия по «демократизации извне»). То есть Америка (против которой в основном и направлено глобальное политическое пробуждение) должна стать мировым лидером, чуть ли не революционным локомотивом, с которым пробудившиеся народы связывали бы свои надежды и чаяния. (Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / ред. С. Е. Кургинян. М., 2011. С. 66, 76–78).

бой очень разные исторические эпохи. Или, еще точнее, мы находимся на стыке между эпохой завершающейся (и потому обладающей внятными историческими характеристиками) и эпохой начинающейся (а значит, по определению, такими характеристиками не обладающей). В таких случаях выбор пути определяет то, каким станет новое время и в каком мире будут жить наши дети и внуки. Человечеству не всегда предоставляется возможность подобного выбора. Но переживаемый нами момент, по всей видимости, такую возможность нам предоставляет.

Содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монополюсность, согласно которой в мире есть только Модерн, и ничего больше. В соответствии с проектом «Модерн» весь мир идет к прогрессу, гуманизму. Все мы рано или поздно разовьемся. Мы можем развиваться с низкого уровня производительных сил до высокого или самого высокого. Но рано или поздно мы все будем там, наверху, все будем гуманизированы, прогрессивны и сольемся в единое человечество.

И если теперь эпоха Модерна завершается, если налицо и ее внутренняя усталость, и стремление ее противников максимально сократить отведенный ей еще исторический срок, то можно говорить о демонтаже Модерна. Демонтаже, который осуществляется сознательно и с оглядкой на объективные факторы, порождающие его усталость, готовность рухнуть под грузом накопившихся внутренних противоречий.

Как соотносятся между собой наличие таких противоречий и гипотеза о сознательном демонтаже существующего мироустройства? На наш взгляд, соотношение примерно такое же, как между устройством взрывающегося дома и размещением в нем взрывных устройств. Ни один профессиональный

подрывник не будет взрывать дом без учета его конфигурации, точек уязвимости взрывающегося строения, меры износа его опорных конструкций. А значит, никакого противоречия между гипотезой о демонтаже Модерна и высокой степенью износа связанной с Модерном исторической эпохи нет.

Но если Модерн демонтируется (вновь подчеркнем – с оглядкой на его историческую усталость), то в силу каких причин? Кого и почему Модерн перестал устраивать?

Начнем с того, что если Модерн кого-то чем-то перестал устраивать, то этот «кто-то» (если, конечно, речь идет о реальном субъекте, а не о зловещем затаившемся заговорщике) обязательно заявит о себе открыто. И начнет обосновывать свои намерения осуществить обсуждаемый нами «исторический демонтаж».

Заговорил ли кто-то всерьез о необходимости подвести черту под эпохой Модерна?

Да, безусловно. Об этом всерьез заговорили со времен первых докладов Римскому клубу¹, обосновывая невозможность далее жить по правилам Модерна фундаментальными глобальными ограничениями (нагрузкой на экологию планеты, исчерпанием невозобновляемых ресурсов и т. д.). Никто не собирается обвинять Римский клуб в сознательной мистификации. Разумеется, экологические проблемы, проблемы ресурсов наверняка остры. И тем не менее сводится ли все только к объективной остроте этих проблем? Или же мы имеем дело еще и с чем-то другим?

Это «другое» достаточно очевидно. Просто не все хотят поставить вопрос ребром. Рискнем это сделать, оговорив, что мы сознательно заостряем проблему в рамках обсуждения одной из возможных гипотез. Не более того, но и не менее.

В рамках Модерна, принятого на вооружение сейчас новыми великими странами, такими как Индия и Китай, речь идет о неотъемлемом праве всех развившихся национальных государств обеспечить своим гражданам – в качестве приза за ускоренное развитие – высокий жизненный уровень. Предположим, что великим развивающимся странам удастся, успешно осуществляя свой национальный Модерн в рамках Модерна всечеловеческого, предоставить своим гражданам (пусть и в отдаленной исторической перспективе) все то, чем обладает сейчас гражданин Европы или США. Ну, например, отдельный коттедж, две машины на семью и т. д.

Что в этом случае произойдет с невозобновляемыми ресурсами? С бензином, который надо залить в новые 6–7 млрд машин? С энергией, которую надо откуда-то добыть для того, чтобы обеспечить правильное функционирование 2–3 млрд новых коттеджей?

Вот очевидная, но необсуждаемая стратегическая проблема.

Но есть и проблема менее стратегическая, но обладающая определенным прагматическим значением.

Модерн как историческая эпоха обладает определенными правилами или законами. Один из этих законов – закон неравномерного развития. Молодые национальные государства, успешно играющие по правилам Модерна,

рано или поздно догонят и обгонят ранее лидировавшие старые государства.

Так, к началу Первой мировой войны молодое германское государство стало догонять и обгонять старого лидера – Британскую империю.

На сегодняшний день старый лидер, справедливо завоевавший ключевые позиции в рамках правил игры, задаваемых эпохой Модерн, – Соединенные Штаты Америки.

Но правила игры таковы, что не может не появиться молодой лидер. Таким лидером на глазах всего мира становится Китайская Народная Республика, которая, в свою очередь, оглядывается на еще одного крупного молодого игрока – Индию.

В подобной констатации нет никакой попытки демонизировать происходящее. Это так потому, что так устроен мир. Потому, что в рамках этого устройства мира, т. е. в рамках Модерна, молодое мощное, успешное государство обязательно начнет обгонять лидера.

Вопрос в одном: как поведет себя лидер? Что он сделает, если правила эпохи Модерна обязывают его передать эстафету лидерства, а он этого не хочет и не может сделать? Не возникнет ли соблазна кардинально изменить правила? Притом что усталость Модерна позволяет в принципе это сделать.

Перейдем от этих общих построений к интересующему нас феномену разогрева «Большой исламской дуги»*.

* «<...> Некоторые аналитики говорят сегодня о разогреве макрорегиона, который часто называют „Большой исламской дугой“. <...> Назовем все эти страны „государствами, в которых большая часть населения исповедует ислам“ – великую мировую религию.

Совокупность таких государств складывается в географически непрерывную, огромную зону, простирающуюся от Марокко до Малайзии и Индонезии. <...> К исламу тяготеют и народы Средней Азии, и Азербайджан. В России население, в разной степени ориентированное на ислам, преобладает в Башкирии, Татарии, на Северном Кавказе. К исламу тяготеют 150 млн индийского населения, сосредоточенного в основном на севере Индии, на границе с Пакистаном, который настаивает на своей исламской политико-религиозной идентичности.

Посмотрите на карту и вы увидите, что термин „Большая исламская дуга“ имеет право на существование – разумеется, со всеми сделанными нами оговорками». (Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / ред. С. Е. Кургиян. М., 2011. С. 30–31).

В Соединенных Штатах существовали и существуют две главные стратегемы.

Одна – это стратегема, условно говоря, Республиканской партии, или «фирменное блюдо имени Генри Киссинджера», согласно которому Ближний Восток держится на следующих китах: Израиль, Египет, отчасти Турция – и на стабильных военных режимах, т. е. на светском авторитаризме.

Другая стратегема, лежащая в основе игры, условно, Демократической партии, или «фирменное блюдо имени Эбигнева Бжезинского», состоит в том, что Соединенным Штатам для того, чтобы играть на всех «мировых полях», нужен радикальный исламизм.

Разумеется, нельзя сводить каждую стратегему не только к имени отдельного, сколь угодно влиятельного политического стратега, но и к одной из главных политических партий. Позволяя себе подобное упрощение, мы просто хотим сделать картину несколько более ясной. Притом что стратегемы действительно существуют. И их привязка к определенным фигурам и политическим субъектам не столь важна, как факт наличия стратегем.

В чем разница между этими стратегемами?

Одна из них (для упрощения будем называть ее «киссинджерской») говорит о том, что Соединенным Штатам нужен новый мировой порядок, что они воспринимают господство как порядок, т. е. как своего рода Четвертый Рим.

Любой мировой лидер мечтает об установлении мирового порядка. США мечтали установить свой мировой порядок на протяжении всей второй половины XX в. После распада СССР у США возникли реальные возможности осуществить эту мечту. Но оказалось, что за ее осуществление надо за-

платить слишком высокую цену и американский народ, вкусивший от комфорта и безопасности, платить такую цену не хочет.

Ведь что такое новый мировой порядок по модели Четвертого Рима? Это римские легионы во всех провинциях и некий план, предлагаемый Римом для провинций и именуемый *Pax Romana*. После Второй мировой войны у США хватило драйва на то, чтобы разместить свои легионы в провинциях под названием Япония и Германия и предложить этим провинциям аналогии *Pax Romana* в виде планов Макарура и Маршалла.

К моменту ввода американских войск в Ирак оказалось, что аналогичного *Pax Romana* для Ирака у США нет. Кроме того, оказалось, что нужно слишком много легионеров для новых провинций даже в рамках «Большой исламской дуги». Нужно не только держать 300–400 тыс. солдат в Ираке. Нужно вводить 500–600 тыс. солдат в Иран (потому что без этого любые бомбардировки бессмысленны). Нужно подготовиться к введению аналогичного контингента в Пакистан. И так далее.

Выяснилось, что США этой нагрузки выдержать не могут и не хотят, а американский народ не хочет иметь трехмиллионную сухопутную армию, потому что это армия с обязательным призывом.

Итак, Соединенные Штаты поняли, что они стать Четвертым Римом не могут. Что делать? Отказаться от мирового господства?

Во-первых, никто, обладая мировым господством, не откажется от него только потому, что обеспечивать такое господство трудно.

Во-вторых, США капитализировали мировое господство, превратили его в сверхвыгодный и сверхнеустойчивый бизнес-проект, основанный на двух

факторах – печатном станке и авианосцах. Печатный станок позволяет финансировать создание новых авианосцев, а новые авианосцы охраняют прерогативы печатного станка.

Это вовсе не означает, что нет высокоэффективной американской ин-

дустрии и американских технологий, великолепного американского хозяйственного комплекса в целом. Но доля этого комплекса в мировом хозяйстве уже иная, нежели 60 лет назад. И эта доля неуклонно уменьшается.

«Новый Карфаген»: конкуренция или война?

Невозможность обеспечить мировое господство по модели Четвертого Рима не может не породить у определенной части американской элиты (той, которую мы условно связали с именем Бжезинского) стремления к обеспечению мирового господства по другой модели – модели нового Карфагена. Если нельзя установить новый мировой порядок, то можно создать управляемый беспорядок и обеспечить в рамках этого беспорядка господство. Пусть неустойчивое и проблематичное, но господство.

Всмотримся в карту современного мира. Этот мир уже сейчас можно, в грубом приближении, поделить на три зоны: Большой Юг (он же «исламская дуга»), Большой Дальний Восток и Большой Запад.

Большой Дальний Восток стремительно развивается. Вложения в этот регион дают большую прибыль. У элиты Большого Юга (нефтяных шейхов, прежде всего, но и не только) накопилось очень много денег. Речь идет о триллионах долларов. Этой элите по сугубо объективным причинам не хочется размещать деньги в западных банках, дающих очень малый процент. Отсюда соблазн вложить деньги в очень быстро развивающийся Большой Дальний Восток. Вложив же деньги туда, подкрепить свои

вложения определенной энергетической политикой, да и политикой вообще.

Это не может устроить западный финансовый капитал. Он понимает, что процесс начинающейся переориентации финансов Большого Юга с Запада на Восток желательно прервать в начальной фазе. Он понимает, что если этот процесс не прервать, то по завершении процесса начнется новый глобальный кризис с далеко идущими последствиями. США, например, окажутся в мировой иерархии не на первом и не на втором месте, а на четвертом или на пятом. Такая потеря капитализации недопустима. Ради того чтобы избежать этой потери, можно пойти на многое.

Разумеется, не все на Западе и в США мыслят подобным образом. Но налицо весьма высокопоставленные высказывания, свидетельствующие о том, что подобные размышления овладевают многими умами. А овладев ими, обязательно станут приводным рычагом реальной большой политики.

Не является ли разогрев «Большой исламской дуги» переходом от стратегии «нового мирового порядка» к стратегии «нового мирового беспорядка»?

Возможно, Кондолиза Райс* совсем не случайно рассуждает в связи с ны-

* В бытность госсекретарем США она активно пользовалась советами заместителя помощника госсекретаря, крупного политолога и теоретика С. Манна, стоявшего у истоков создания Института исследований Сложности в Санта-Фе и много лет занимавшегося разработкой теоретических и практических проблем использования «управляемого хаоса» в глобальной политике.

нешними событиями на Ближнем Востоке о турбулентности, т. е. новом мировом беспорядке.

В ее статье «Будущее демократического Египта» сказано: «Грядущие месяцы, а то и годы неизбежно будут турбулентными. Но эта турбулентность предпочтительнее, чем фальшивая стабильность автократии...»²

О финансовых, экономических, энергетических войнах говорят не отдельные влиятельные представители американского интеллектуально-политического истеблишмента. Все это давно уже стало «поваренной книгой» большого бизнеса.

Разница между войной и конкуренцией такова.

При конкуренции ты снижаешь свои издержки, повышаешь эффективность, выводишь на рынок лучший товар по более низкой цене и побеждаешь конкурента.

В экономической войне (а также войне финансовой, энергетической и т. д.) задача состоит не в повышении эффективности своей деятельности, а в понижении эффективности деятельности противника. Для чего применяются самые разнообразные средства: например, от организации конфликта племен на территории, по которой проходят трубопроводы противника, до прямых диверсий на этих территориях.

Если нельзя сделать США более привлекательными в рамках игры по правилам Модерна, то почему бы не изменить правила? И не сделать конкурента менее привлекательным?

Подчеркнем, что речь идет об идеях, рождающихся в умах отдельных элитных групп, а не о согласованном поведении всех американских элит.

Есть такое выражение: *noblesse oblige* («положение обязывает»). Поло-

жение единственной сверхдержавы, державы номер один, обязывает к тому, чтобы охранять это положение. Отсюда один шаг до такой формулы реальной политики: «Главный враг – это страна, в наибольшей степени приблизившаяся к уровню, достигнув которого, она может бросить вызов моему могуществу».

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2002 г. администрацией Дж. Буша, этот принцип сформулирован так: «Наши силы должны обладать такой военной мощью, чтобы у потенциального противника не возникало желания наращивать свой военный потенциал в надежде превзойти Соединенные Штаты в военной мощи или сравняться с ними».

Такого рода формулы можно заворачивать в те или иные идеологические обертки. Если СССР приблизился больше всего к опасному уровню, то он – опасность номер один. И эту опасность можно завернуть в обертку борьбы с коммунизмом.

Но если к этому уровню приблизится страна с любой другой идеологией, то будет просто найдена другая обертка. Суть же будет состоять в этом опасном приближении, приближении самом по себе.

Особо опасно создание союзов, при котором союзная мощь резко возрастает, приближаясь все к тому же недопустимому уровню. Весьма проблематичный союз между Китаем и Японией как между индустриальной и постиндустриальной державой относится именно к числу подобных союзов. Но к этому числу относятся и другие союзы.

Упомянутый закон неравномерности развития – неотменяемый, коль скоро речь идет об игре по правилам Модерна, – чреват конфликтом между США и Китаем по схеме, аналогичной конфликту между Великобританией

и Германией в 1914 г. Но за такой конфликт между ядерными державами будет заплачена слишком высокая цена. И хотя возможность такого конфликта, как мы знаем, обсуждалась широко (например, известной американской группой под руководством П. Вулфовица, она же группа «Би-2»), не могут не прорабатываться и альтернативные такому конфликту стратегии.

Например, стратегия управляемого хаоса. Разогревается Большой Юг, с которым заключают союз, аналогичный тому, который был заключен в Афганистане против СССР. Энергию экспансии этого Большого Юга направляют на Большой Дальний Восток, прежде всего на Китай, но и не только. Опасность, вытекающая из неравномерности развития, становится меньше... Страна-лидер получает историческую отсрочку...

Мы знаем, что такие схемы обсуждаются многими, включая того же Бжезинского. Мы знаем, что такие схемы не раз применялись в истории. Почему

нельзя предположить, что все странные факты, которые находятся в вопиющем несоответствии с прежней американской стратегией (и прежде всего происходящее на наших глазах выстраивание союзнических отношений с радикальным исламом), как-то соотносятся с подобными построениями, уже неоднократно использованными в истории?

Теперь уже сами создатели стратегии «Радикальный ислам против СССР» говорят об этом. Бжезинский³ и Гейтс⁴ откровенны донельзя. Они признают, что начали разогрев макрорегиона, в том числе и Афганистана, за полгода до ввода туда советских войск. При этом Бжезинский прямо говорит, что использование «взбудораженных мусульман» против главного конкурента США – это был не только допустимый, но и оптимальный геополитический ход.

Не дает ли это серьезных оснований для внимательного рассмотрения нашей гипотезы?

Будущее и его модели

От гипотезы переходим к модели.

Если содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше, то содержание наступающей эпохи – полипроектность.

Налицо как минимум три проекта – Постмодерн, Модерн и Контрмодерн.

Радикальный исламизм – это Контрмодерн.

Модерн – это то, что происходит сегодня на Большом Дальнем Востоке: в Китае, Индии, Вьетнаме и т. д.

А Постмодерн – это то, что начинается произрастать на Западе в условиях нарастающего обрушения Модерна,

в условиях превращения Запада из лидера промышленного (индустриального) развития или постиндустриального развития в лидера, обеспечивающего совокупный сервис. Сервис финансовый, сервис в сфере более тонких услуг, сервис развлекательный, сервис силовой.

Нельзя утверждать, что весь Запад сводим к росткам Постмодерна. Но не ощущать постмодернизацию Запада как одну из явных и опасных тенденций тоже нельзя. Тем более что такая тенденция Постмодерна «для себя» легко может переплетаться с тенденцией Контрмодерна «для других», выступающей под маской разного рода демократических революций, осуществляемых по принципу «демократия без Модерна».

Что если речь идет о переплетении этих принципов? Что если силы, заинтересованные в их переплетении, воздействуют на мироустройство с целью организации совсем нового миропорядка, с целью складывания подобного миропорядка из кубиков Контрмодерна и Постмодерна? Что если именно в этом направлении осуществляются вполне конкретные политические шаги?

В этом случае (вновь подчеркнем, что он носит гипотетический, но не беспочвенный характер) политическая философия осуществляемых воздействий еще важнее прагматики. В связи с этим рассмотрим подробнее сам Модерн и признаем, что существуют два – принципиально разных – Модерна.

Подлинный, всечеловеческий проект «Модерн» имеет всеобъемлющее всемирно-историческое содержание. Он духовно полноценен. Под предводительством его адептов человечество способно двигаться к новому идеалу. Враги такого Модерна хотят сокрушить не способ производства, дающий высокий процент роста тем или иным странам (как в сегодняшних Китае или Вьетнаме), а Идеал. «Девятую симфонию» Бетховена, как сказал один из врагов Модерна, главный герой «Доктора Фаустуса» Т. Манна, т. е. идеал свободы, равенства и братства. Не уровень производства (8% роста ВВП или 6%), а Идеал – метафизический и политический (свобода, равенство, братство).

Суррогатный, реликтовый, римейковый Модерн, став макрорегиональным или мозаичным, рискует потерять полноценное всемирно-историческое содержание. И превратиться из средства легитимации в средство оптимизации, средство победы в той или иной (экономической, геополитической) конкуренции.

Если такой Модерн будет низведен только к удовлетворению потребности

в материальном процветании, то он окажется устойчив лишь до момента завоевания этого процветания. А это наложит отпечаток уже на нынешнюю фазу его продвижения к искомой, стратегически явно недостаточной цели.

В самом деле, в том же Китае, например, огромное количество людей работает за относительно низкую зарплату, потому что есть традиционное общество, в котором уровень жизни ниже, нежели тот, который обеспечивает такая зарплата. Поднимая людей до Модерна из традиционного общества, им можно дать в десять раз больше. И это все равно будет гораздо меньше, чем в Европе и США. Подобное именуется «топкой Модерна» и используется там весьма и весьма эффективно. Но до поры до времени, пока работник не перестает стимулироваться угрозой возврата в нищету традиционного общества. Как только все традиционное общество окажется переработано в «топку Модерна», работник перестает стимулироваться этой угрозой. И Модерн начинает захлебываться.

В России было проведено несколько крупных трансформаций, близких по своему содержанию к модернизации.

Речь идет о трансформациях при Петре Великом, при П. А. Столыпине, И. В. Сталине, даже Н. С. Хрущеве.

В России нет традиционного общества. А значит, нет и ресурса для «топки Модерна».

В Индии, Китае или Вьетнаме такой ресурс есть. Но он не беспределен. И стратегические проблемы начнутся намного раньше, чем этот ресурс будет исчерпан.

С момента, когда Запад вышел из проекта «Модерн», не предложив миру и не приняв от мира нового стратегического проекта, в котором сочетаются гуманизм и развитие, Модерн утратил всемирно-историческое значение.

Оговорив это, обсудим так называемый Контрмодерн. Укажем при этом, что Контрмодерн – это не возврат мира к идеалам высокого Средневековья (Премодерна), потому что в ту историческую эпоху идеалы зажигали сердца и двигали вперед. Они обладали всемирно-историческим смыслом. Они по-настоящему воодушевляли. Они несли с собой новые возможности для людей. В них было высокое гуманистическое содержание.

Контрмодерн выхолащивает из Премодерна все высокое и оставляет только скорлупу, форму, лишённую животворящего содержания. Контрмодерн – это во многом искусственная конструкция, призванная обеспечить жизнь части человечества в состоянии фундаментального неразвития, т. е. в состоянии гетто.

Контрмодерн развивается по постмодернистской социальной технологии за счет регресса, архаизации. Контрмодерн – это вторичная и еще более последовательная колонизация периферийных народов, закрепление их в состоянии вечной периферии. Это своего рода «мировая деревня» при «мировом городе». В какой бы стране мира Контрмодерн ни реализовывался, это всегда поразительно напоминает нацистский план «Ост» по порабощению славян и других «неполноценных» народов.

Процесс демонтажа СССР, который маркируется символом падения Берлинской стены, обернулся для народов СССР очень и очень многим, в том числе и регрессом, вторичной демодернизацией, архаизацией, т. е. тем, что свойственно Контрмодерну.

Так может быть не зря Абдул Азиз бин Абдулла аш-Шейх – верховный муфтий Саудовской Аравии – говорит о том, что процессы так называемого «глобального политического пробужде-

ния» (оно же – глобальная демократическая революция, оно же – перестройки-1, -2, -3 и т. д.) запустят регресс и деградацию (а значит, Контрмодерн) на территории Большого Юга или существенной его части?

Если первая фаза смены глобальной архитектуры (крушение социалистического лагеря и распад СССР) породила первую волну Контрмодерна, а вторая фаза породит вторую волну все того же Контрмодерна, то можно ли говорить о случайности происходящего? Сколько фаз должно состояться для того, чтобы происходящее перестало казаться как минимум стопроцентно случайным?

Контрмодерн на определенной части земного шара – вот к чему последовательно ведет элита, занятая созданием новой глобальной архитектуры, сформированной на основе демонтажа Модерна.

Теперь о Постмодерне.

Постмодерн – это не культурный изыск, а самый мощный и эффективный за всю человеческую историю способ дегуманизации, расчеловечивания. Он отменяет все исторические константы, подлинность, смысл, историю. Он открыто настаивает на том, что даже проект «Человек» подлежит полному демонтажу, т. е. он настаивает на отмене единства вида *Homo sapiens*, единства рода человеческого.

Но если человеческий род не един, то можно любым способом корректировать, например, численность населения. Весьма серьезными людьми обсуждаются крайне радикальные схемы подобной корректировки. Но главное, что сама идея корректировки становится легитимной. Если часть человечества – это «почти что люди», то почему нельзя корректировать поголовье таких «особей»? Откуда муки совести при подобной корректировке? Ведь

эти муки не беспокоят животноводов, корректирующих поголовье крупного рогатого скота!

Постмодерн – это мягкий, но очень эффективный неонацизм. Тот самый неонацизм, который в эпоху Французской революции был предложен якобинцам знаменитым маркизом де Садом. В своем обращении к французскому Конвенту маркиз де Сад очень внятно пишет о том, как надо устроить общество на принципах антигуманизма. Якобинцы, как адепты подлинного Модерна, тогда решительно отвергли постмодернистские изыски маркиза, а многие нынешние постмодернисты объявили де Сада своим великим предтечей.

Постмодерн празднует победу над подлинным Модерном и его советской альтернативой. Это вызов дегуманизации – страшный вызов для всего человечества.

Постмодерн в ядре («мировом городе») и Контрмодерн на периферии («мировой деревне») – вот одна из формул новой глобальной архитектуры. При-

нятие такой формулы знаменовало бы собой союз постдемократических постмодернистских элит с радикальным исламом как частным проявлением Контрмодерна, регресса, архаизации.

До сих пор сама возможность такого союза кажется абсолютно дикой, потому что исламские архаизаторы проклинают и либерализм, и США, и Запад как целое. Но поскольку США и Запад как целое не имеют эффективных средств противодействия экономическому (а значит, и политическому) росту того, что мы назвали «суррогатным, реликтовым модерном», в Дальневосточном регионе вообще и в Китае в частности, то такой союз может возникнуть просто от безысходности.

Прецеденты таких союзов налицо. Именно такие союзы с исламом заключались не раз – и против Российской империи (в Средней Азии и на Кавказе), и против Османской империи (ваххабиты), и против СССР (в Афганистане), и против Индии (с Пакистаном). Новое не в самом таком союзе, а в степени его масштаба и стратегичности.

Прогноз

Контрмодерн, Постмодерн и суррогатный Модерн – это три миропроектных модуля, из которых хотят соорудить новый мир. Они реальны. Это не выдумки конспирологов, не фантазии утопистов. Это исторически осуществившиеся, длящиеся во времени огромные начинания, воплощенные в гигантском количестве идеальных и материальных артефактов. Это не то, что мы, как интерпретаторы, хотим навязать миру, живущему по иным законам. Это то, в чем мир сейчас реально живет. И события в Египте, Алжире, Ливии и других странах – это великая перестройка из формата «Модерн для всех» в формат новой глобальной архи-

тектуры, состоящей из трех перечисленных «разделенных» модулей.

Если победит эта тенденция, то радикалистский разогрев «Большой исламской дуги» от Марокко до Индонезии завершится в 2013–2014 гг.

Одновременно начнется разогрев ряда зон, находящихся за пределами «Большой исламской дуги». Это обязательно заденет Индию, Среднюю Азию, Северный Кавказ, российское Поволжье, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Волны этого разогрева не могут не породить всплески этнокультурной, политической и экономической дестабилизации соседних регионов, включая Европу и Индокитай.

Ответная реакция на разогрев этих регионов станет новой фазой глобальной дестабилизации. Множественная дестабилизация приведет к новой фазе распространения ядерного оружия. Лидером процесса, скорее всего, станет Иран. Однако невозможно представить себе Иран, овладевший ядерным оружием, без овладения этим же оружием Саудовской Аравии. Одновременно будет идти дестабилизация всего Африканского континента.

К 2015–2016 гг. неизбежно начнется экстремальное подключение к этой дестабилизации Израиля. Это просто не может не произойти, коль скоро весь Большой Ближний Восток продолжит дрейф в нынешнем направлении.

В таких условиях нельзя исключить не только ядерный конфликт (между Израилем и Ираном), но и ядерные конфликты (например, «веерный» ядерный ответ Израиля на любую ядерную атаку).

В результате начнется скачкообразный рост цен на нефть и другие энергоносители. При этом некоторые американские аналитики тешат себя иллюзиями, что имеющиеся у США возможности самообеспечения энергоносителями позволят стране «переждать бурю» и, подорвав экономики главных дефицитных по энергоресурсам конкурентов, обеспечат Америке «фору в Большой игре». Однако нет сомнений, что такого рода мировые трансформации необратимым образом

разрушат как мировую экономику (включая глобальные финансы и глобальную торговлю), так и мировую политическую систему во главе с ООН.

Прогнозировать в этих условиях поведение зависимых от нефти держав достаточно трудно. Высоковероятно, что державы перейдут от экономических действий к действиям политическим и военным. Например, к обеспечению военного контроля над нефтегазовыми территориями и маршрутами транзита энергоносителей, к которым относятся не только Ближний Восток, Магриб, Средняя Азия, но и Россия.

К 2017–2019 гг. управляемый хаос превратится в хаос неуправляемый. Радикализация политической жизни, вызванная ростом экономических проблем и взаимных притязаний, может породить не только локальные, но и крупные ядерные конфликты.

Если даже этого удастся избежать ценой распада многих небольших и нескольких крупнейших государств в разных регионах планеты, включая Большой Дальний Восток и Россию, мир окажется лишенным тех гуманистических основ, которые обеспечивали его устойчивость на протяжении тысячелетий.

Обсуждение этой мрачной перспективы и того, какие позиции займут отдельные народы в случае, если она осуществится, аморально и контрпродуктивно. Наша задача состоит в том, чтобы предотвратить эту перспективу.

Четвертый проект

Итак, наша версия в том, что завершается одна эпоха – «эпоха А», эпоха Модерна, и начинается другая эпоха – «эпоха Б».

В «эпоху А» Модерн был единственным проектом, монопроектом. На протяжении 500 лет люди твердо верили,

что раньше или позже каждый народ Земли, каждый человек пройдет путем Модерна – пусть с учетом своей национальной специфики, своих культурных особенностей, но пройдет этим путем. И рано или поздно разовьется до некоего социального и интеллектуаль-

ного, политического, культурного блага. Тогда, возможно, человечество станет единым. Да, в этом не было подлинной универсальности. Ее место занимала нивелировка всех до некоторых норм Модерна. Но в этом была всеобщность.

Буржуазия зарождалась, оформлялась. Она победила в Великой французской революции и серии буржуазных революций, прокатившихся по миру (Англия, Америка и т. д.). Она утвердила эту монопроектность.

Всемирно-исторический смысл эпохи «А» – это капитализм, несущий с собой и добро, и зло, но обеспечивающий мучительное историческое развитие. Важно понять, что капитализм обеспечивает развитие *только* (курс. – *Авт.*) в рамках безальтернативного и всеобъемлющего Модерна. Продлевая себя за пределы всеобъемлющего и безальтернативного Модерна, капитализм теряет способность обеспечивать историческое развитие. И превращается в фашизм, гностицизм, демонтаж единства рода человеческого.

Капитализм стал выходить за рамки Модерна, «заваливаться» уже к концу XIX в. Он почти полностью вышел за эти рамки во время Первой мировой войны, и, соответственно, почти полностью тогда завалился.

Но тут появился советский «Красный проект», который как бы подпер собою заваливающуюся «балку» проекта «Модерн». Наличие новой вестии из России – идея «нового человека», «нового гуманизма», развития – не позволило проекту «Модерн» завалиться до конца. Гитлер хотел завалить это, но наткнулся на советское сопротивление.

70 лет просуществовала относительно устойчивая архитектура: два мира – два проекта – две системы. На этом все держалось.

Но затем «Красный (советский) проект» демонтировали в ходе перестрой-

ки (1987–1991 гг.) и постперестройки (1991–2011 гг.). И вот тогда капитализм снова стал заваливаться, мутировать, выходя за рамки всеобъемлющего и безальтернативного Модерна. Как только советского проекта не стало – капитализм начал заваливаться.

Я все время спрашиваю: кто же убирал советский проект? Летчики, которые привезли Гельмута Коля на ставропольское поле переговариваться с М. С. Горбачевым, принадлежали к организации ODESSA («Организация бывших членов СС и СД»)...

Так кому это было нужно? Это американцам было нужно, чтобы началось то, что началось сейчас? Существует вопрос: немцы, которые сейчас входят в политическую элиту США – это еще немцы или это уже американцы? Роберт Гейтс и другие?

Иначе говоря, фашизм (в неонацистском варианте) уже захватил Америку изнутри? Или он ее все-таки хочет совсем прикончить? Потому что в 1946 г. на собрании неофашистского интернационала в Сан-Ремо было заявлено, что необходимо уничтожить двух «ялтинских хищников» – сначала Советский Союз, потом США.

Еще раз: «Советский проект» подпер заваливающийся проект «Модерн». А когда Советского Союза не стало, начал рушиться сам проект «Модерн», и мы сейчас это наблюдаем. Это и есть переход из «эпохи А» в «эпоху Б».

Если «эпоха А» – это монопроектность Модерна со всеми его принципами, то «эпоха Б» – это полипроектность, когда есть проекты: Модерн, Контрмодерн, Постмодерн, и они каким-то образом соотносятся друг с другом.

России, у которой в рамках «эпохи А» было свое место, в рамках «эпохи Б» места нет. Она не вписывается ни в ос- таточный, суррогатный Модерн, сохра-

няющийся сегодня на Большом Дальнем Востоке (ибо у нас нет традиционного общества, как в Китае и Вьетнаме), ни в европейско-американский Постмодерн (куда нас не пустят), ни в Контрмодерн (потому что мы не являемся единым исламским или каким-то другим миром; если Россия начнет скатываться в архаику, то произойдет ее рассыпание на множество разных архаик; мы рассыплемся по религиозному и этническому принципу, а потом по субэтническому).

Так что начавшийся процесс не только антигуманен, не только лишен возможности развития, но это еще такой процесс, в котором русским не отведено места вообще.

Преодолеть то скверное, что складывается на наших глазах и не оставляет шансов ни нам, ни миру, может только четвертый проект – Сверхмодерн. Преодоление возможно только потому, что Сверхмодерн в какой-то мере тоже имеет корни в реальности.

Этот проект состоит из четырех блоков.

Первый блок – это стратегическая новизна, отвечающая вызовам XXI в.

Второй блок – это советское в том виде, в каком оно было реально осуществлено к концу доперестроечного периода.

Третий блок – это те наработки, которые сначала были санкционированы советской системой, а потом оказались ею либо осуждены, либо мало (а то и неадекватно) задействованы.

Четвертый блок – это те наработки, которые никогда не были санкционированы советской системой.

Главный блок здесь – это второй блок. Если его нет, если в нем не заложен смысл, все остальные блоки имеют нулевую цену. Это единственный блок, который говорит о реальности. Объясню, о чем здесь идет речь. Там было

реализовано главное: Сталин не проводил модернизацию в чистом виде, Сталин осуществлял *модернизацию без разрушения коллективистского общества* (курс. – Авт.). Потом об этом грезил Мао Цзэдун. Без разрушения коллективистского общества! Колхозы, все остальное – это только часть этой программы. Но и индустриальное общество не было индивидуалистическим! Советский Союз в эту эпоху показал, что общество может развиваться, оставаясь коллективистским.

А с точки зрения Модерна, так развиваться нельзя, так как основа Модерна заключается в том, что природа человека грязна, он алчен, он скверен, он хочет конкуренции, но если ее правильно организовать, то будет развитие. Однако для этого надо раздробить коллективистскую матрицу, стравить людей в конкурентной борьбе. Гоббс, Адам Смит (если его читать через эту призму) говорят только об этом. Все рыночники-капиталисты нам говорят, что ничего другого нет, но мы же имеем свой – иной – советский опыт!

На самом деле многие великие мыслители XX в. (Фромм, например) говорили, что в человеческой природе есть коллективизм, жертвенность, желание отдать, а не взять (Фромм называет это «быть, а не иметь»). Но об этом как бы вообще забывают.

Русские смогли развиваться в индустриальном и постиндустриальном ключе коллективистски. Советский завод – это не завод только в индустриальном смысле. Это то, что надо рассматривать и изучать заново. При нем существовали поликлиники, профилактории, санатории, пионерские лагеря, детские сады – «социальная сфера». В буржуазном обществе нечто подобное не было возможным. Теперь японцы пытаются перенять этот опыт. Но мы-то это сделали раньше! И весь этот

коллективизм заводской – он же существовал. Существовали формы общинной индустриальной жизни. Советский опыт показывает, что развивать коллективистски можно.

Вот это и есть содержание второго блока.

А модель Гоббса, Локка и Адама Смита говорит, что развиваться так нельзя, что если хочешь развития – разрушай коллективистскую матрицу.

Уже названный первый блок – «Стратегическая новизна, отвечающая XXI веку» – нужно рассматривать отдельно.

Третий блок – те наработки, которые сначала были санкционированы советской системой, а потом оказались ею либо осуждены, либо не использованы. Богостроительство и все, что было связано с метафизическим коммунизмом, было осуждено еще Лениным. Пролеткульту позволяли развиваться, но потом-то со всем этим разбирались очень жестко.

А вот идею «нового человека» и «нового гуманизма» никто не разрушал. Просто ее так извратили и так выхолостили, что от «нового человека» ничего не осталось. И стало понятно, что если русские не предлагают другую человеческую модель, если они не опираются на другое в человеке, если они отказываются от изменения человеческой природы, то кому они нужны! Как написал по этому поводу Фромм, тогда коммунизм становится идеей о том, как всем стать буржуа.

Что же касается четвертого блока – наработок в пределах проекта «Модерн», которые никогда не были санкционированы советской системой, то я имею в виду, например, демократию. Почему, например, в сегодняшнем обществе определенный комплекс идей не может победить демократически – и побеждать в ближайшие 50 лет, по-

стоянно выигрывая у соперника с перевесом 90% на 10%? Как Либерально-демократическая партия в Японии или Институционно-революционная партия в Мексике?

Вот эти четыре блока и слагают четвертый проект – Сверхмодерн.

Без развития человечество не сможет. Индивидуалистическая модель развития захлебнулась. Есть так называемые посткапиталистические наработки о том, что капитализм в мире все больше тянет назад, он реально оттапливает развитие.

Четвертый проект – это стратегическая новизна (первый блок) в сочетании с развитием на основе коллективизма, с опорой на советскую традицию (второй блок), с разумными достройками из того, что было изъято (третий блок), и того, что не было санкционировано советской системой (четвертый блок), – имеет шансы на то, чтобы, прошу прощения за пафос, спасти человечество. Потому что события в Египте и других странах региона ясно показали, что именно нам уготовано. Не Модерн хотят развивать. Хотят архаизацию, «мировую деревню». Хотят отменить идею единства человеческого рода. Хотят создать гетто для большинства человечества. Может это будет не гитлеризм, а мягкий неонацизм. Но ведь ясно, куда это тянется.

Без четвертого проекта у человечества просто нет выхода. От русских до сих пор ждут новых идей.

Основной блок проекта «Сверхмодерн» – второй блок: советское в том виде, как оно было реально осуществлено к концу доперестроечного периода.

Но почему нельзя оставить только второй блок, попытавшись просто вернуться к тому, что было в СССР к началу перестройки? Почему нельзя реализовать схему, отвечающую чаяниям

очень многих – «Назад в СССР»? Может быть потому, что эта схема недостаточно удобна, комфортна? Но для огромного большинства людей в ней намного удобнее жить, чем в нынешней – постсоветской – реальности. Более того, в этой схеме намного больше праведности, чем в нынешней реальности. Но почему тогда к ней нельзя вернуться?

Может быть к схеме, состоящей только из второго блока, нельзя вернуться потому, что она является итогом определенного исторического движения от Ленина к Сталину, и далее «со всеми остановками»? И нужно, возвращаясь, пройти снова весь советский путь, ибо без этого не попадешь в его конечную точку? Это серьезный аргумент против подобной схемы. Серьезный, но не основной.

Каков же основной аргумент против схемы, состоящей только из второго блока? Каков этот аргумент, в котором сплетено все сразу – метафизика, мораль, политика и культура?

Этот аргумент прост и одновременно убийственен: та схема, в которую «ах как хочется вернуться» – РУХНУЛА! Она воплотила в себе очень многое от блага, вобрала в себя многие надежды и чаяния – и РУХНУЛА! Замкнула на себе исторические энергии, позвала за собой все страны мира – от Латинской Америки до Дальнего Востока, всех к чему-то призвала – и рухнула.

Никаких других фундаментальных аргументов против возвращения к этой схеме, состоящей только из второго блока, нет вообще. Но приведенный аргумент – убийственный. Схема ведь почему-то рухнула. Потому что в нее внедрили «кроты»? Но даже если дело только в «кротах», почему они смогли внедриться именно в эту схему? И только ли в «кротах» дело? Что, за Ельцина как за президента РСФСР в 1991 г. проголосовало 70 млн «кро-

тов»? А если мы вернемся к этой схеме, то в ней опять вскоре поселятся «кроты»? И она опять завалится?

ТА СХЕМА РУХНУЛА – вот основной аргумент против «красного» фундаментализма, скрыто проповедуемого Зюгановым. Но Зюганов даже не осмелится это сказать.

Гигантское значение данного аргумента требовало от нас всех определенной метафизической, политической епитимьи. Имя которой – «немешательство». Именно «немешательство», а не «невмешательство». Что это значит? Ты не лкуешь по поводу ошибок своих противников, строящих капитализм, ибо они строят нечто новое. А то, что ты считаешь нужным и праведным, – рухнуло. И потому во всем, что связано с сохранением страны, ты не мешаешь противнику, а даже наоборот. Ибо страна выше модели, проекта, идеологии.

«Немешательство» длилось 20 лет. Ровно столько времени наши противники строили российский капитализм. Я считаю, что капиталистический эксперимент в России завершается. Это важнейшая историческая веха, которую не хотят не только обсуждать, но и замечать. Мы в этом году отмечаем 20-летие не распада СССР, а российского капитализма.

Между тем с конца Гражданской войны по начало Великой Отечественной (с 1922 по 1941 г.) прошло 19 лет. За это время провели коллективизацию, создали абсолютно новый индустриальный образ страны. С начала коллективизации до начала Великой Отечественной (с 1929 по 1941-й) прошло 12 лет, сталинские довоенные пятилетки...

Капиталистический эксперимент длится в России слишком долго для того, чтобы можно было не обсуждать его исторические результаты.

Когда рухнул Советский Союз, осталось отойти в сторону и сказать: «Вы

собираетесь строить что-то новое, народ вас поддержал – делайте! Вы ведь не хотите, чтобы страна распалась. Давайте мы будем помогать – анализировать, бороться против антигосударственных сил. А вы делайте свой капитализм. Хотите, чтобы мы вам помогли? Пожалуйста».

Это не провокация. Это признание исторической вины, заключающейся в том, что второй блок рухнул. И нужно обладать нулевым внутренним историко-моральным чувством, чтобы не понять, насколько ты за это отвечаешь.

Дал ли капиталистический эксперимент за такой огромный срок, как 20-летие, позитивные исторические плоды? Дал ли он хотя бы позитивные плоды, имеющие пусть не историческое, а стратегическое значение? Таковыми являются: новая степень развития производительных сил, качественно новые социальные возможности для большинства населения, приумножение возможностей страны и т. д.

Ничего этого не просматривается.

До 2008 г., перед кризисом, 13,5% населения жило ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ), т. е. ниже 5800 руб. Это абсолютная нищета!

И это десятки миллионов.

Следующие 37% живут от 1 до 3 МРОТ (до 15 000 руб.). Это абсолютный проигрыш по отношению к советскому уровню. Профессор, доктор наук, лауреат премий получает в МГУ 30 тыс. руб. В провинциальном университете – 18 тыс. руб.

Доктор наук, заведующий кафедрой в Московском областном пединституте получал порядка 600 руб. Штукатур или шофер в то время получали вдвое или втрое меньше – 200–300 руб.

Это значило, что была правильная социальная пропорция. «Наука становится производительной силой», «мы живем в эпоху интеллектуализации» и все прочее. Получи втрое больше.

Отсюда стремление в вузы.

Что теперь? Теперь штукатур или шофер получают больше тысячи долларов, а профессор...

В советское время был социальный «лифт» через образование и науку, была возможность двигаться вверх.

Младший научный сотрудник получал 105 руб., а младший научный сотрудник со степенью – 185.

Была логика. И такая логика есть в любой стране мира. Она есть в Африке, в Индии, где угодно. Нигде нет профессоров, живущих хуже штукатуров, – только у нас. И это четко указывает на характер процесса.

Недофинансирование всей интеллектуальной сферы страны – на 200 млрд долл. в год. Ровно на столько, сколько вывозится из страны! Нельзя отдельные сегменты дофинансировать. Не получится сделать так, чтобы ученые жили лучше, а инженеры нет. Чтобы профессора жили лучше, а военные нет. Нужно сдвинуть весь социальный профиль. Социалистическим или капиталистическим способом.

По нашим расчетам, общественные фонды потребления составляли в Советском Союзе около 3000 долл. (современными деньгами). Первая часть – это дешевые социальные продукты. Вторая часть – это бесплатная медицина и образование. Третья часть – это жилье. Четвертая часть – это отдых. Пятая часть – это транспорт. Получается около трех тысяч сегодняшних долларов в месяц.

Люди не могут жить на один МРОТ. И в любом случае должно быть так, чтобы инженер жил чуть лучше рабочего, а профессор – лучше инженера. И тогда система заработает. Но если сделано наоборот, значит, программируется и обеспечивается регресс.

Что получило население? Мобильные телефоны? В этом результат? В чем социальный результат?

«Ах, был дефицит товаров!» А что, дефицит денег намного лучше дефицита товаров? Учительница, которая получает 6 тыс. руб., по факту профессии –

не по квалификации, не по уровню труда, а по факту профессии – помещена в интеллектуальное и социальное гетто.

Итак, нет качественно новых социальных возможностей для большинства населения.

Нет и новой степени развития производительных сил. В первую пятилетку было построено 1500 промышленных объектов. Во вторую – 4500. В третью, незаконченную, – 2900, т. е. к 1942 г. построили в итоге почти 9 тыс. промышленных объектов. В условиях мирового кризиса.

Что построено сейчас? Одна ГЭС? Три завода? Модернизация? Где новый производственный контур? А главное, чем занимались 20 лет? 20 лет шла демодернизация? Значит, новой степени развития производительных сил нет.

Но, может быть, за эти 20 лет капитализма приумножились возможности страны? Страна расширилась? Вернулись территории, которые по непонятному признаку были отчуждены?

Капиталистический эксперимент провалился. Чуть раньше или чуть позже это придется признать.

Итак, 20 лет российского капитализма подходят к концу.

Но 500 лет проекта «Модерн» тоже подходят к концу.

К концу подходит время легитимности исторического капитализма. Потому что он легитимирован только проектом «Модерн», от которого он сам отказывается. Мы почти одновременно выходим из двух разных по длительности эпох – нашего 20-летия и 500-летия проекта «Модерн». Притом, что российский капитализм был конструкцией, очевидно сделанной под фиаско.

И еще одно: человечество подошло к очень важной черте. Вот была архаика, потом – феодализм (Премодерн), потом – Модерн. А сейчас мы подошли к некоей черте, и непонятно, что за ней. Что дальше?

Это не черта исчерпания определенного уклада. Это не черта исчерпания нашего эксперимента доморощенного. Это черта, которая когда-то была названа Фукуямой «концом истории». Это вопрос о том, есть ли идеалы, за которые какая-то часть человечества готова идти на крестную муку? Есть ли огонь, который кого-то может воспламенить? Есть ли человеческий материал, способный к воспламенению, который был бы не исламистским (то есть контрмодернистским), а другим? Жива ли история?

Вопрос о Сверхмодерне встает ребром. И последнее.

Проект – это великая цель, воодушевляющая людей, глубоко мотивирующая их на действия, трансформирующая их человеческую природу. Но стратегической, идеальной цели вообще не может быть, если нет Идеального. Цель рождается только в рамках такого Идеального, которое действительно функционирует в человеческом сознании, мобилизует его.

Если повреждено Идеальное (а в этом и была цель перестройки), то цель вроде как умом понимается, а человека по-настоящему не мобилизует.

Задача противника – обрушение Идеального вообще. Он этим и занялся, он не только советское Идеальное рушил. Он рушил Идеальное вообще. По крайней мере, он хотел лишить его мобилизующей силы.

Если Козырев прямо сказал: «Обсуждали национальную идею, потом решили: какая ни будет, начнется это чертово воодушевление, зачем оно нужно? И решили: пусть деньги будут национальной идеей...» На Совете Безопасности РФ решили, что деньги должны быть национальной идеей! Прямая формула криминального государства: золотой телец, город желтого дьявола.

Итак, если не будет восстановлена мобилизующая сила Идеального, то все наши проекты – это игрушки, и ничего больше.

Но восстановление Идеального не имеет права и не должно привести к потере государства, потому что в этом случае мы потеряем Родину. Государство – это средство, с помощью которого

народ продливает и развивает свое историческое предназначение. Только поняв это историческое предназначение до конца и приведя себя снова в состояние, когда Идеальное может быть подчинено этому историческому предназначению, можно стать народом. Но без государства русский народ не может.

Как противостоять разрушительным глобальным тенденциям?

Сейчас можно говорить только о начальной стадии развития той тенденции, которая описана в данном сценарии и прогнозе. Сформированы лишь некоторые предпосылки, динамика носит неустойчивый характер, процессы находятся в начальной фазе развертывания. Их (пока!) можно купировать или направить в другую, не столь угрожающую, сторону.

Однако отсутствует главное – сама готовность обсуждать наиболее негативные возможности, заложенные в описанных тенденциях. А без такого обсуждения нельзя включить механизмы, эти тенденции подавляющие и переламывающие.

В теории рисков есть правило, согласно которому риск является произведением вероятности определенного процесса на его опасность. Пусть даже вероятность описанного развертывания событий невелика. Если она не равна нулю (а многое говорит о том, что она не равна нулю), то опасность слишком велика для того, чтобы считать риск пренебрежимо малым. И потому стратегическая задача состоит не только и не столько в анализе процессов, способных привести к описанным прискорбным результатам, сколько в мобилизации усилий на адекватный вызову стратегический международный ответ.

Следует помнить, что для предотвращения опаснейших мировых поли-

тических катаклизмов часто требовались достаточно небольшие усилия. Однако эти усилия не были в нужный момент осуществлены.

Нельзя, чтобы мир вновь пережил нечто подобное.

Если выдвигаемая нами гипотеза, при всей ее нетипичности, справедлива, то возникает естественный вопрос: что делать? Ведь если нет ответа на этот вопрос, то рассмотрение подобных крайних гипотез представляет собой глас вопиющего в пустыне, и не более того. Меньше всего нам бы хотелось выступать в этой роли. Поэтому мы предлагаем вполне конкретную программу действий, состоящую из нескольких пунктов.

Первое. Предлагаемые нами соображения – не более чем эскиз. Каждый штрих в этом эскизе надо детализировать и проверять, проверять и детализировать. Необходима огромная коллективная работа для того, чтобы либо подтвердить (и, разумеется, скорректировать) нашу гипотезу, либо отвергнуть ее. Предположим, что гипотеза подтвердится. Что тогда?

Второе. Тогда надо сделать все возможное для того, чтобы превратившаяся в гипотезу модель была широко обсуждена во всем мире. Эту модель нельзя превращать в эзотерическое тайное знание. Она должна быть предъявлена максимально широким слоям общества, изложена на доступном, внятном

идеологическом языке, превращена в повестку дня, содержащую в себе как совокупность вызовов и угроз, так и совокупность ответов.

Третье. Вокруг такой идеологии может начаться объединительный процесс. Есть много социальных субъектов самого разного рода – государственных и негосударственных, для которых подобное развитие процесса несовместимо с фундаментальными интересами как идеального, так и прагматического характера. Пока угроза (или угрозы, вызовы и т. д.) не доказана и не проработана, не предъявлена обществу и не оформлена мировоззренчески до конца, нет никакой возможности политического объединения, создания широкого международного фронта сил.

На этом этапе мировоззрение (угроза, идеология ответа и т. д.) превращается в политику. Создается широкий фронт общественных сил.

Четвертое. Наличие общественных сил и союза интеллектуалов, способных доказательно говорить о данной угрозе, – вот то, что должно быть предъявлено государственным и иным силам в качестве предмета для рассмотрения. Это предъявление не должно иметь ничего общего с экстремизмом, радикализмом. Оно должно быть максимально мягким, дружелюбным, ориентированным на интеграцию в определенный блок сил и идей всех тех, кому это представляется важным и необходимым.

Пятое. В результате может сформироваться союз государств, спо-

собный предотвратить скатывание процесса в рассмотренное нами опаснейшее русло. Это может быть сделано как за счет торможения опасных тенденций, так и за счет предъявления обществу альтернативных тенденций.

Шестое. Союз государств – это важный, но не конечный этап. На наших глазах, к нашему глубокому сожалению, Организация Объединенных Наций претерпевает те метаморфозы, которые претерпевала ее предшественница – Лига Наций перед Второй мировой войной. Для того чтобы не допустить наихудшего, надо успеть либо укрепить ООН, либо создать весьма масштабные альтернативные международные организации.

Обратим внимание на то, что эти организации уже создаются де-факто. Отсутствие конструктивных альтернатив может сделать ООН жертвой альтернатив деструктивных.

Седьмое. Предлагаемые инструменты – не панацея и не самоцель. Это средства глобального противодействия глобальным тенденциям. Любая идеология – а тут речь идет о новой международной идеологии, – создается для того, чтобы объединить определенные силы. Объединяются же силы для того, чтобы управлять процессами – выводить эти процессы из опасного русла и вводить их в русло, отвечающее интересам всего человечества, постольку, поскольку человечество не утратило воли к развитию и приверженность к высочайшим гуманистическим идеалам.

После капитализма

(Из Манифеста движения «Суть времени»)*

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Это естественно и в каком-то смысле необходимо. Но это

* Полный текст документа: <http://eot.su/manifest>.

не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

И это нечто даже не какой-то общий принцип, а некая рамка, очерчивающая общую для всех участников политическую, нравственную и экзистенциальную территорию.

Какова эта рамка для движения «Суть времени»?

Она складывается всего лишь четырьмя принципами.

Принцип № 1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии. Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда всё те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», – говорил великий фламандец Тиль Уленшипель.

Пепел СССР стучит в наши сердца. Именно это нас объединяет.

Те, в чьи сердца не стучит этот пепел, не могут быть вместе с нами.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем, и только о нем.

Реванш – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это, и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип № 2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виновен в этой трагедии. Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптанных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог. Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип № 3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, кто, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обретем.

Принцип № 4. Без любви разум бессилён. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того, чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас – не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках утраченного сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Примечания

- ¹ Медоуз Д. и др. Пределы роста. Первый доклад Римскому клубу // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы/ сост. Д. М. Гвишиани, А. И. Колчин, Е. В. Нетесова, А. А. Сейтов. М., 1997. С. 123–143; Пестель Э. За пределами роста // Там же. С. 149–191; Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Первый доклад (отчет) Римского клуба // Там же. С. 197–253.
- ² Rice C. The future of a democratic Egypt // The Washington Post. 2011. 16. Febr.
- ³ Jauvert V. Les revelations d'un ancien conseiller de Carter. «Oui, la CIA est entree en Afghanistan avant les Russes...» // Le Nouvel Observateur. 1998. Janvier 15–21.
- ⁴ Gates R. M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. 1996. P. 145.